

Дики адыгского прошлого

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ выпуск 15 (98)

Псевдо-касоги Пьянкова: опыт критического осмысления новой концепции этнической истории Северо-Западного Кавказа в хазарское время.

Археологические реалии
А. В. Пьянкова

Одной из наиболее радикальных концепций этнической истории региона Северо-Западного Кавказа эпохи средних веков является концепция археолога А. В. Пьянкова, которая была высказана им в соавторстве с археологом В. А. Тарабановым в 1998 г. и окончательно сформулирована в 2001 г. (Пьянков А. В., Тарабанов В. А. Кремационные погребения Кубани и Подонья салтовского времени: единство происхождения или случайное сходство // Древности Кубани. Вып. 13. Краснодар, 1998. С. 19 – 31; Пьянков А. В. Касоги/касахи/кашаки письменных источников и археологические реалии Северо-Западного Кавказа // Материалы и исследования по археологии Кубани. Выпуск 1. Краснодар, 2001. С. 198 – 214).

Суть этой концепции состоит в предположении тюркского происхождения носителей кремационного обряда, часто практиковавшегося населением Северо-Западного Кавказа, начиная с середины VIII в.

Согласно А. В. Пьянкову, данный погребальный обряд оказывается неразрывно связан с предполагаемым массовым заселением в регион Западного Закубанья тюрков из ареала салтово-маяцкой культуры (Северский Донец). Исследователь настаивает также на том, что этноним касоги изначально маркировал именно этот пришлый воинственный народ.

Таким образом, согласно данной концепции, регион исторической Зихии населяло два народа – сами зихи, с адыгской принадлежностью которых Пьянков вполне согласен, и некий, то ли народ, то ли значительный воинский контингент на службе у хазарского правительства. Эти воины из Степи не просто расселяются в завоеванном краю, как это было бы нормально предположить, но аннексируют огромные пространства, изгоняют местное население. Таким

образом, в воображении Пьянкова возникает целая тюркская этническая область на Северо-Западном Кавказе.

В чем состоит археологическое обоснование тюркского происхождения касогов?

Впервые этот взгляд сформулирован в 1998 г. в совместной статье А. В. Пьянкова и В. А. Тарабанова. (Пьянков А. В., Тарабанов В. А. Кремационные погребения Кубани и Подонья салтовского времени: единство происхождения или случайное сходство // Древности Кубани. Вып. 13. Краснодар, 1998. С. 18 – 32).

С самого начала они не сомневаются, что у двух групп кремационных погребений – Подонцовья и Северо-Западного Кавказа единое этническое происхождение. Для группы кремаций Северского Донца авторы предложили сокращение ДГК, а для западнокавказской или, как они это формулируют, кубано-черноморской группы кремаций – сокращение КЧГК. Странно, но такие термины как *адыги*, *черкесы*, *зихи* в статье, рассматривающей этническую природу погребального обряда на Северо-Западном Кавказе, ни разу не упомянуты.

1-е сходство, указанное Пьянковым и Тарабановым:

«Погребальные обряды ДГК и КЧГК укладываются в одну схему. Умерших сжигали на стороне с сопутствующим инвентарем. После чего, кальцинированные кости собирались вместе с золой, угольками, вещами и захоранивались в ямах. Кости зачастую собирались не полностью. Ямы были неглубокие (до 1 м) и имели в плане форму овальную, подпрямоугольную или круглую». (Там же. С. 20).

Слишком общее наблюдение, которое можно сделать в отношении вообще всех ареалов кремаций в Евразии. Ясно, что после высокой температуры горения собирали только часть костей, а за-

хоронение в ямах любой формы также ничего не проясняет.

Интересно, что авторы не сосредоточили свое внимание на такой специфической для КЧГК форме погребения как помещение останков кремированного в каменный ящик. Этого нет в ареале ДГК. Нет в ареале ДГК и семейных усыпальниц, что является весьма характерной чертой для КЧГК. Нет в ареале ДГК и подкурганных кремационных погребений, которые специфически характерны для КЧГК. Это и есть сущностные черты погребального сооружения и обряда в ареале КЧГК. К сожалению, наши авторы забыли о таких пустяках, но не забыли о трех видах ям! Если поискать, то в описаниях раскопок можно найти не только подпрямоугольные ямы, но и трапециевидные, но что это дает для анализа?

2-я черта сходства по Пьянкову и Тарабанову состоит в констатации помещения останков в керамические урны. Это также универсальная черта, присущая всем ареалам кремаций Евразии. Ничего действительно специфически присущего и действительно уникально роднящего ДГК и КЧГК авторы не подметили.

3-я черта – ритуальная порча предметов погребального инвентаря. Также универсальная черта, свойственная мифологическим представлениям очень многих народов.

4-я, 5-я и 6-я черты – таинички, погребальные дары и конские захоронения – также универсальные обряды.

На этих шести пунктах и построена вся версия Пьянкова и Тарабанова.

Затем они еще приводят 7 аналогий в инвентаре. Рассмотрим их.

1-я заключается в обнаружении в обоих ареалах широколезвийных наконечников копий с отверстиями у основания пера. Сами авторы отмечают, что таковые встречаются далеко не только в ДГК и КЧГК, но и в Запад-

ной Сибири, и на Балканах.

2-я – наконечники стрел в виде широких и прорезных лопаточек. Сами авторы уточнили, что таковые есть всюду от Приуралья до Молдавии. Встречаются не только в кремационных, но и в ингумационных погребениях.

3-я – «в погребениях КЧГК встречены редкие для хазарского времени наконечники стрел с рамчатым пером... Нам известна только одна аналогия этому типу наконечников за пределами ареала КЧГК». Ну а раз так, то этот третий пункт можно исключить.

4-я аналогия – складные серпы. Предмет всаднической амуниции, вполне вероятно внедренный кочевниками, но заимствованный очень многими. Таким всадническим народом, как адыги, подобные вещи воспринимались охотно и получали развитие. Встречаются не только в кремационных, но и в ингумационных погребениях.

5-я аналогия – коньковые подвески. Видимо, элемент, внедренный венграми, соответственно, получил большое распространение – Урал, Поволжье, Северо-Западный Кавказ. Встречаются не только в кремационных, но и в ингумационных погребениях.

6-я аналогия – очажные принадлежности. Ясно, что это совершенно ни о чем не сообщающая нам аналогия, которая охватывает огромные пространства.

7-я аналогия – ножи, использовавшиеся, как предполагают, для метания. Встречаются не только в кремационных, но и в ингумационных погребениях хазарского (салтовского) времени. Авторы замечают, что в кремациях обнаружено больше находок таких ножей.

На этом все.

Что тут можно сказать? Вряд ли исследователи способны понять природу формирования большого адыгского этнического пространства на Северо-Западном Кавказе до тех пор, пока они не сфор-

мулируют соответствующую задачу. Пока же мы наблюдаем преимущественно такого рода исследования, которые нацелены на обоснование неадыгской принадлежности той или иной археологической культуры.

Да, адыги впитали в себя множество этнических элементов, но этот процесс нельзя изображать как напластование чужеродных культур. Это был процесс непрерывной инфильтрации незначительных этнических «присадок» в мощное тело автохтонного этноса. В этом и состоит отличие этногенеза адыгов от этногенеза большинства кавказских народов. Отдельные «пассажиры» пересаживались в этот условный «адыгский состав». Вы же хотите изобразить этот процесс как столкновение автобуса с мотоциклом, после которого переворачивается автобус.

В. И. Сизов – первый исследователь зихских некрополей. Кремационный обряд и воздушное погребение. Мнение первого исследователя зихских кремаций В. Сизова, как ключ к пониманию автохтонной природы обряда кремации.

В 1886 г. первые профессиональные археологические исследования зихских памятников – разведку и раскопки – предпринял член Московского Археологического общества Владимир Ильич Сизов. (Сизов В. Восточное побережье Черного моря. Археологические экскурсии // Материалы по археологии Кавказа. Вып. II. М., 1889. 183 с.; 39 с. приложение (фотографии, рисунки, схемы).

Первые раскопки он предпринял на обширном курганном могильнике на северной стороне геленджикской бухты. Могильник содержал курганы двух типов: 1) более высокие (до 1 м), полушарообразной формы с каменными ящиками-гробницами, содержащими захоронения по обряду трупоположения; 2) низкие (до 0,5), расплывчатые насыпи большей частью из щебня,

РАСКОПКИ В. СИЗОВА

содержащие урны с жжеными костями.

Как стало понятно впоследствии для самого Сизова, 1-й же курган с каменной гробницей имел захоронение с такими характеристиками, которые являлись типичными для сотен других таких же курганов побережья.

Курганы с трупосожжениями на геленджикском могильнике Сизовым было вскрыто четыре. В выводах по геленджикскому могильнику он даже не использует для урновых захоронений слово курган – настолько мало они соответствовали этому понятию. (Там же. С. 67). Фрагменты кремнированного скелета, отбор которых не имел никакой системы, а также вещи помещались в большую урну, установленную в ямку. Отверстие урны закрывалось плоским камнем и затем эта конструкция засыпалась щебнем. Обычно урны имели яйцевидную форму. Вещевой инвентарь не содержал оружия. Ни угля, ни следов погребального костра отмечено не было, что говорит о совершении обряда кремации в другом месте – не на территории могильника.

Обряд захоронения в урнах, наблюдаемый Сизовым на геленджикском могильнике, также оказался типичен для других кремационных захоронений побережья.

Следующий могильник, обследованный Сизовым в районе Геленджика, находился в 1 версте от бухты в восточном направлении. Он состоял только из курганов с каменными гробницами. Несколько десятков курганов стояли в лесу и все имели полушарообразную форму.

В 3-х верстах от Новороссийска на запад по дороге в Мысхако Сизов исследовал большой могильник, полностью состоящий из курганов с каменными ящиками. Далее, в 4 верстах на северо-запад на отрогах г. Мысхако, обращенных к морю, исследователь зафиксировал «много курганов или могильных насыпей». Прежде всего внимание Сизова привлекли «курганы полушарообразной формы, с торчащими на вершинах верхушками двух камней, обыкновенно обозначающих концы гробницы». В этом оформлении погребения можно увидеть параллель с современным адыгским обычаем устанавливать так называемые къэнэтэхэсы – над головой и над ногами погребенного. Ряд курганов был окантован рядами камней.

«С другой стороны, – отмечает Сизов, – между такими курганами попадались небольшие насыпи из щебня, едва заметные с первого взгляда». Оказалось, что подобным образом были оформлены исключительно кремации. Таким образом, могильник в Мысхако – биритуальный. Важно отметить, что каменные ящики и урны в рамках

одного могильника не составляли отдельных секторов, «а казались насыпанными без всякой системы на плоскости могильника».

Здесь Сизов раскопал 2 гробницы и 2 урновых кремации. 1-е кремационное погребение было совершено в урне или амфоре почти метровой высоты и 60-сантиметровой ширины. Содержание: жженные кости, металлический перстень и, предположительно, кусочек лезвия маленького ножа. 2-я насыпь дала интересные находки – меч, изогнутый в раскаленном виде и положенный над урной так, что острие его свешивалось в урну; два кусочка от кольчуги, испорченные огнем, один наконечник стрелы листовидной формы и железное огниво. (Там же. С. 76).

Отсюда Сизов перешел в Цемесскую долину, которая тянется на 10 верст от Новороссийска на север. Почти в самом конце долины между левым берегом р. Цемес и большой дорогой в Анапу был обследован большой курганный могильник. В Цемесском могильнике Сизов не отметил ни одного случая кремации. Им были вскрыты два кургана. 1-й курган имел относительно небольшой ящик длиной 1 м 86 см – явно слишком тесный для 5 человек, захороненных в нем. Кости при этом лежали в совершенном беспорядке. Сизов делает вполне обоснованное предположение, что в ящике, ширина и глубина которого равняется 40 см, не могло быть уложено 5 покойников. По всей видимости, в него ссыпались уже истлевшие кости и черепа: это касается 4 скелетов, тогда как 1 все-таки был положен сразу после смерти.

После могильника в Цемесе Сизов изучил обширный, приблизительно из сотен курганов полушарообразной формы, могильник на хуторе казака Карпенко Натухаевской станции. Курганы Натухаевского могильника имели квадратные контуры из камней, поставленных на ребро с уклоном от центра кургана. Высота – от 1 до 3,5 метров. В первом из раскопанных курганов оказалось 5 гробниц, расположенных параллельно каменным стенкам квадрата. Пространство между ящиками и стенами было вымощено большими неправильной формы плитами. Всего Сизов раскопал 10 курганов с 15 гробницами, из которых 4 оказались пустыми, но не разграбленными. В среднем, в каждой из гробниц было найдено от 3 до 5 скелетов, что указывает нам на семейный или родовой характер усыпальниц. В ящиках с 3 костями 2 из них могли быть уложены рядом, а 3-й костяк сгружался в угол. При большем числе погребенных проследить порядок захоронения просто невозможно: они

«производят впечатление сыпанных костей от раздробленного скелета». (Там же. С. 83). Другой вывод Сизова: «в гробницу покойников клали не вскоре после смерти, а тогда, когда от тела оставались только кости».

Таким образом, массовым и типичным обрядом захоронения, на обследованной Сизовым территории – от Геленджика до Анапы – являлось погребение в каменном ящике под курганом. Типичная ориентация – головой на север. Сизов подчеркивает этногенетическую и культурную преемственность этого обряда с традициями мегалитической, дольменной эпохи. (Там же. С. 154). «Живучесть этих традиций, – пишет Сизов, – объясняется только преемственностью вообще древних обычаев среди одной и той же народности, занимавшей испокон века одну местность» (Там же. С. 157).

Затем Сизов высказывает замечательную догадку, касающуюся как коллективных захоронений в одной гробнице, так и кремаций – в каменных ящиках и урнах. Версия была основана на его тонком знании исторических и этнографических источников. «Такого рода факт, – пишет Сизов, – объясняется существовавшим в этих местах обычаем – трупы умерших людей привешивать на деревья, откуда уже через несколько лет кости насыпались в родственные могилы. Обряд этот, о котором, между прочим, упоминают древние писатели, сохранился до позднего времени: так, атаман Раевской станции был свидетелем в 60-х годах, как натухайцы похоронили таким способом своего собрата, убитого громом. Черкес Кадриков (натухайский переводчик, осевший в станице после завершения Кавказской войны и служивший проводником и информатором у Сизова. – Прим. С. Х.) точно также утверждал, что черкесы вешали на деревья трупы убитых громом. Такой обычай нельзя не считать уцелевшим древним погребальным обрядом, который не потонул в мусульманских верованиях, и в котором еще чувствуются следы почитания бога-громовника» (Там же. С. 157 – 158).

Б. С. Хотко, исследовавшая абхазо-адыгские обряды воздушного погребения, отмечает: «Типологически, кавказский обряд «воздушного» погребения может быть сопоставлен с предварительными «воздушными» погребениями в зороастризме. Башни-дахмы выполняли ту же функцию, что и деревья в абхазо-адыгском ареале. В пространстве зороастризма очищенные стихиями (воздух, солнце, вода) кости помещались в герметичные гробницы-склепы. Абхазо-адыгские представления соответствуют зороастрийским, согласно которым мертвая

плоть не должна осквернять священный дух земли. Склеповыми гробницами являются по своей сути не только дольмены, но и каменные ящики Северо-Западного Кавказа. Обряд «воздушного» погребения на Северо-Западном Кавказе предполагал функционирование семейных склепов, поскольку в исследованных каменных ящиках обнаруживают от 1 до 19 «комплектов» костей покойников. Соответственно мы можем предположить, что в близлежащих к могильникам с каменными ящиками лесных массивах устраивались участки для предварительного «древесного», «воздушного» погребения. Имея в виду исключительную приверженность этому обряду, можно предполагать, что он носил престижный характер и что таким образом очерчивалось исконное абхазо-адыгское пространство». (Хотко Б. С. Обряд «воздушного» погребения в пространстве языческой культуры абхазов и адыгов // Вестник Адыгейского государственного университета. 2011. Вып. 1 (74). С. 183).

В середине X в. арабский историк и географ ал-Масуди указал, что народ кашак исповедует религию магов. Напомним, что магами изначально назывались священники в зороастризме. Что подвигло ал-Масуди на это замечание? Скорее всего, то обстоятельство, что зихи (кашаки) массово использовали предварительное «воздушное погребение».

По прочтении отчета Сизова, обоснованными выглядят следующие наблюдения:

1) Курганы с каменными гробницами имеют в 2 и более раза большую высоту, чем курганы с урнами. Высота в 3 сажени в XIX в. означает высоту, по крайней мере, в 4 сажени – в XIV в., и еще большую высоту, если насыпь сооружена в VI в.

2) Каменные гробницы требовали несоразмерно больших усилий. В их строительстве принимало участие также гораздо больше людей, чем в случае кремации. Процесс возведения кургана с каменной гробницей и каменными оградками занимал не один и не два дня, а, скорее, несколько недель.

3) Таким образом, курганы с гробницами – престижный социальный объект, свидетельствующий о высоком статусе погребенных.

4) Сама идея кремации с последующим захоронением в урне, т.е. по сути, в горшке-амфоре (бытовом примере) на фоне доминирующих курганов с каменными гробницами, не может не выглядеть ущербно. Получается, что для одних членов общины или одной части населения княжества сооружаются фамильные склепы, а других сжигают, отбирают бессистемно кое-что из костей, складывают в горшок и присыпают землей или щебнем.

В. В. Саханев – исследователь Борисовского биритуального могильника в Геленджике

Следующее после Сизова масштабное исследование средневековых зихских могильников было предпринято В. В. Саханевым в 1911 – 1912 гг. (Саханев В. В. Раскопки на Северном Кавказе в 1911 – 12 годах (с 5 табл. и 56 рис.) // Известия императорской Археологической комиссии. Вып. 56. Петроград, 1914. С. 75 – 219).

Его отчет начинается с констатации бедственных масштабов, которые приняло разрушение памятников на Северо-Западном Кавказе:

«Племена Адиге и Абдзехское свято оберегали могилы своих предков и никому не позволяли производить раскопок в их владениях. Но с тех пор, как проник сюда русский элемент, памятники старины предаются беспощадному уничтожению. Теперь, если вы встречаете здесь курганную группу, то можете быть уверены, что из одной-двух сотен заключающихся в ней насыпей найдется лишь незначительный процент (не более 25%) не расхищенных; остальные разграблены дочиста или, по крайней мере, частично. То и дело вы наталкиваетесь на вскрытые курганы; плиты, покрывавшие могилу, валяются тут же..., а в могиле валяются ничем не прикрытые человеческие кости... Часто могилы разрушались, чтобы использовать превосходно отесанные плиты для построек, а вещи уничтожались совершенно. Даже такие монументальные памятники, как остатки городов, храмов, крепостей, и те не избежали обычной участи. В последние десятилетия уничтожение памятников древности принимает колоссальные размеры. В особенности это надо сказать о Черноморском побережье». (Там же. С. 75 – 76).

Разграбление черкесских курганов было прибыльным бизнесом, которым занимались не только стихийно, но и организовано. (Там же. С. 77). Тем не менее, встречались и культурные хозяева участков: так, самой возможностью произвести раскопки на относительно неплохо сохранившемся могильнике Саханев был обязан И. Х. Бойко, владельцу имени «Борисово». Другим таким просвещенным владельцем оказался преподаватель коммерческого училища в Ростове-на-Дону Я. Р. Корпс.

Часть I отчета Саханева «Могильник области Зихов» посвящена исследованию Борисовского биритуального могильника, расположенного в 9 км к северу от Геленджика при устье р. Яшамбы (Ашампэ), состоящего, по преимуществу, из 2-х типов погребений: 1) труположения в каменных ящиках; 2) захо-

РАСКОПКИ В. САХАНЕВА

ронения останков кремаций в каменных ящиках.

В северо-восточной части могильника сосредоточены, главным образом, труположения в каменных гробницах, а в юго-западной – кремации в гробницах.

Всего было вскрыто 135 погребений: 40 труположений в гробницах; 38 кремаций в гробницах (особенно следует выделить погребение N 99, которое содержало 19 черепов и массу костей); 1 кремация в урне; 4 погребения с костяками в деревянных колодах-гробовищах; 12 кремаций в ямах; 4 ингумации в ямах; 3 ямы без костей и 27 каменных гробниц без костей и без признаков кремации, плюс еще несколько погребений в ямах без костей и практически без вещей, которые мы не будем рассматривать.

Почти 50% от труположений в гробницах были расхищены полностью или почти полностью. При этом они дали гораздо больше предметов инвентаря, чем гробницы с кремациями, хотя последние были расхищены не более, чем на 30%.

В каждой гробнице с труположением было обнаружено по 1 костяку. Гробницы помещены на небольшой глубине и доминирует ориентировка на север и северо-восток. Самым типичным оружием этих гробниц являются железные кинжалы, обоюдоострые, с 2-3 выступами по бокам около рукояти. Оружие этого типа считается оружием пиратского, абордажного боя и изготавливалось в приморских районах Черкесии вплоть до XIX в. Их найдено 7 экземпляров, что очень много, учитывая низкий процент неразграбленных погребений в гробницах. Учитывая также, что часть захоронений – женские и детские (подростковые) – и что речь идет об анализе всего-навсего 1 могильника, цифра 7 начинает выглядеть как показатель типичности. Явно, Борисовский могильник оставлен мореходами, а значительное число пустых гробниц может быть объяснено тем, что они сооружены в память тех, кого забрало море.

В погребениях с труположениями найдено 3 длинных меча и 2 прямые сабли с лезвием на одной стороне. Последние, по всей видимости, представляли собой образцы раннего типа сабли, который почти не имел изгиба. Такой тип характерен для VIII – IX вв.

Наконечники копий – 5 экз., листовидные с полой втулкой. Из прочих металлических находок привлекает внимание топорик – «весьма изящный, типа корчевочной кирки, т.е. с вертикальным и горизонтальным лезвиями», а также 29 оригинальных, однотипных ножей. Обнаружен также 1 экземпляр удила с 1 псалием.

Украшения этой части могильника, при всей его разграбленности, дали массу интересных находок. Пряжки в количестве 47 экземпляров представляют собой типичные для Зихии изделия с прорезными изображениями человеческого лица в шлеме. «В специальной литературе уже было отмечено, – пишет В. Б. Ковалевская, – что прорезная орнаментация на щитках пряжек, наконечниках и накладках изображала человеческое лицо... Поскольку формирование поясных украшений этого типа происходило в Северном Причерноморье и наиболее ранние комплексы найдены на Черноморском побережье Северного Кавказа, мы привлечем к решению этого вопроса данные лингвистики. Так, в кабардинском языке слово «лицо» передается сочетанием слов «глаз + нос», а в

видимо, была деталью конской сбруи. Это богатое инвентарем погребение N 99 являлось массовой – 19 черепов и масса костей – кремацией в каменной гробнице.

В ряду кремационных погребений располагалось погребение N 134 без признаков кремации. Более того, в нем не было и костей: скорее всего, мы имеем дело с кладом воинской амуниции. На глубине 0,11 м обнаружена куча металлических вещей, завернутых в кольчугу и прикрытая медным котлом. Клад предоставляет полный комплект оборонительного вооружения: 1) кольчуга из небольших плоских колечек, каждое из которых заклепано отдельно; причем размер колечек в разных частях кольчуги не одинаковый; 2) обломки шлема; 3) конусовидная железная бляха с отверстием, по-видимому, для султана; 4)

соч. С. 83). В имени «Дузу» также было найдено несколько вещей, близких по формам борисовским. (Спицын А. А. Могильник VI – VII вв. в Черноморской области // Известия Императорской Археологической Комиссии. Вып. 25. С. 188 – 192).

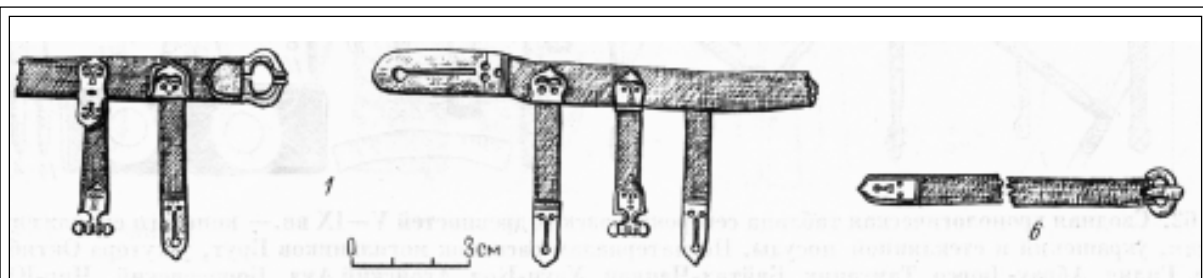
С учетом сведений византийских источников Саханев делает вывод о принадлежности всего Борисовского могильника зихам. (Саханев В. В. Раскопки... С. 174-175).

Часть II отчета получила у Саханева название «Курганная группа племени Адыгэ». Скопление курганов находилось поблизости от Борисово на площади свыше 3 десятин. Этот курганный могильник, как и те, что обследовал в Геленджике и Мысхако Сизов, оказался биригитальным и точно также курганы с труположениями оказались более высокими, со

Конструкция курганов с сожжениями наглядно демонстрирует влияние доминирующего обряда – курганов с каменными гробницами, обложенных плитами или снабженных концентрическими кругами камней на насыпи. Обращает на себя внимание курган N 2 с внутренней подкурганной насыпью из камней, под которой обнаружено конское захоронение. Урна при этом помещена рядом, но уже под земляной насыпью. Под насыпями двух курганов – N 3 и N 5 – не были обнаружены ни погребения, ни сожжения: здесь мы имеем дело с погребением одних вещей. Такой характер погребений указывает на отсутствие тел погибших или пропавших без вести: скорее всего, это были жертвы моря или погибшие в дальних военных походах, тела которых в силу различных обстоятельств не смогли доставить на родину. В каждом из этих двух курганов содержалось по 1 прямой сабле.

Труположения были исследованы на примере 10 курганов, 3 из которых не только не были разграбленными, но и были единственными, которые не имели признаков разграбления на всем этом обширном могильнике. Курганы имели обкладки из 1 – 3 рядов плит у основания насыпи и по высоте насыпи. В трех курганах содержалось по 2 гробницы, в каждой из которых от 1 до 3 костяков. И в одном кургане – 3 гробницы, в каждой из которых от 1 до 3 костяков. Господствующая ориентация – северо-запад. Состав инвентаря – 4 сабли, шлем, колечко от кольчуги, 2 копыя, 6 ножей, серп, топорик-секирка, 3 янтарные бусы, 5 наконечников стрел, 2 стеклянных стаканчика (за последними особенно охотились грабители), бусы, кольца, другие мелкие предметы быта, украшений. В 1-й гробнице кургана N 35 (из числа разграбленных) найдена не прямая сабля, а длинная изогнутая. (Там же. С. 196, рис. 50). Из числа расхищенных курганов 2 не содержали костей, что также указывает на жертв моря или похода.

Поблизости от Борисова на горе мыса Дооб Саханев в 1912 г. обследовал могильник, в котором насчитывалось более 100 курганов. «Огромный процент их расхищен. Нам с трудом удалось разыскать курган, совершенно не тронутый грабителем, и то, надо думать, только потому, что внешний вид его заставлял предполагать в нем сожжение». (Там же. С. 190). В этом кургане мужской костяк длиной 1 м 85 см лежал в гробнице-могиле, вырубленной в скале, головой на северо-запад. При нем – железная изогнутая сабля с перекрестьем у рукояти, а также нож, 2 кольца и кресало.

В. Б. Ковалевская приводит великолепный образец наборного пояса из Агойского могильника, датируя его VI в. В нем мы видим наиболее исчерпывающее, законченное и концептуальное геральдическое содержание бляшек и наконечников ремней: все 10 элементов одного пояса предельно четко отражают идею геральдического «алфавита». (Степи Евразии в эпоху средневековья. М.: Наука, 1981. С. 177, рис. 61/1).

адыгском «голова + рот». Поскольку сама форма накладок, наконечников и щитков пряжек является изображением головы (иногда даже в типичном для этих районов головном уборе), то, очевидно, для того, чтобы изобразить лицо, достаточно было нанести изображение двух или даже одного элемента, нанесение же всех четырех элементов следует считать примером избыточности». (Ковалевская В. Б. К изучению орнамента наборных поясов VI – IX вв. как знаковой системы // Статистико-комбинаторные методы в археологии. М., 1970. С. 153, 145).

Инвентарь кремационных погребений в каменных гробницах

Сабли найдены в 4-х погребениях: «Характерной чертой сабель надо считать то, что ось рукояти не совпадает с осью клинка, так что рукоять слегка как бы пригнута по направлению к острию». (Саханев В. В. Раскопки... С. 143). Наконечники копий в кремационных погребениях Борисова Саханевым обнаружены не были. Наконечники стрел обнаружены 4-х типов и в сравнительно большом количестве.

В погребении N 99 хорошо представлены элементы конской сбруи: пара стремян, 3 экз. удила с точеными псалиями и кольцами; большая железная четырехугольная пряжка без щитка, которая,

поножи; 5) нарукавники; 6) наплечник. Кроме этого, железная витая массивная цепь с крючьями и кольцами – очевидно, надочажная цепь; сабля, согнутая на огне; копье с 4-гранным острием; 4 маленьких ножа; маленький серп, согнутый на огне; пара сломанных стремян; медная выпуклая бляха с втулкой для султана – по всей видимости, принадлежность парадной конской сбруи; медная трубка – возможно, часть этой бляхи – оголовья; удила с отверстиями для псалий; медная бляха от конского убора; железное перекрестье, вероятно, от сбруи лошади, и еще ряд мелких металлических изделий. (Там же. С. 119).

Очевидная близость обнаруживается при сопоставлении вещей Борисовского могильника с вещами ингумационного Агойского могильника, исследованного в 1907 г. А. А. Миллером. (Миллер А. А. Разведки на Черноморском побережье Кавказа в 1907 г. // Известия Императорской Археологической Комиссии. Вып. 33. С. 86 – 95). Вещи борисовского типа – украшения и пиратские кинжалы – были найдены в с. Небугском Туапсинского округа. (Саханев А. А. Указ. соч. С. 83). Еще южнее, в селе Веселом Сочинского округа (устье р. Псоу) были найдены несколько серебряных пряжек и бляшка, точно соответствующие борисовским. (Миллер А. А. Указ.

стройными насыпями. Кремационные захоронения как в урнах, так и в ямах занимали, преимущественно, юго-западную часть могильника. А труположения в каменных гробницах, в основном, северо-восточную часть. «Это различие, – отмечает Саханев, – по-видимому, бросилось в глаза и грабителям, так как все курганы с сожжениями не только не расхищены, но даже не тронуты грабительским шупом, без следов которого вряд ли можно найти хоть один курган с каменной гробницей». (Там же. С. 175).

Современный исследователь не должен упускать из виду это важнейшее обстоятельство: порядка 90% курганов с труположениями были расхищены, а делалось это целенаправленно ввиду их богатого инвентаря. Последствия грабительских раскопок искажают наше представление об уровне влияния носителей кремационного обряда на социально-культурное состояние Зихии.

Саханев исследовал 7 курганов с кремациями в урнах: ни один из них не был ограблен, но инвентарь при этом уступает ограбленным гробницам: было обнаружено 2 сабли, согнутых вокруг урн, 10 ножей, 1 наконечник стрелы. Курганы, как правило, обложены плитами, полностью или частично, и по контуру насыпи еще рядами, от 1 до 3 плит, поставленных на ребро с уклоном от центра.

КРЕМАЦИИ У ЗИХОВ

В этой Дообской группе Саханев пересмотрел еще один курган из числа расхищенных. В нем: 1 гробница с 4 костями, но практически без вещей. Оба из обследованных дообских курганов были обложены каменными плитами.

Таким образом, при всей разграбленности, инвентарь гробниц с труположениями значительно превосходит содержание кремационных захоронений.

Саханев, прослеживая типичность и однородность обряда захоронения в каменных гробницах под курганными насыпями на протяженном участке побережья, а также многочисленными и точными соответствия в инвентаре погребений, раскопанных Сизовым и им самим, приходит к выводу об адыгской (зихской) принадлежности памятников. (Там же. С. 203 – 204). Более того, он подчеркивает возможность их соотнесения с конкретной адыгской общностью – натухаевцами. (Там же. С. 206).

Другое, не менее важное, наблюдение Саханева состоит в том, что один народ вполне мог иметь 2 обряда погребения: «Единственный более или менее достоверный вывод, который можно отсюда сделать, – тот, что оба обряда погребения принадлежали одной и той же народности. Доказательства этого можно видеть, во-первых, в том, что как в Борисовской группе, так и в Тонкомысской, и в Мысхако, курганы с сожжениями и курганы с каменными гробницами составляют одну цельную курганную группу, а, во-вторых, в общности некоторых предметов погребального инвентаря. Так, длинные прямые массивные сабли встречались как в курганах с сожжениями, так и в курганах с каменными гробницами; то же можно сказать и о железных ножах, кресалах, костяшках». (Там же. С. 204 – 205).

Очень четко переход от одной формы погребения к другой и их бытование в один период демонстрируют нам кремации в каменных гробницах, а также кремации в урнах под курганами, оформленными точно так же, как и курганы с труположениями.

Наконец, самое важное здесь обстоятельство: толерантное сосуществование на протяжении нескольких веков двух групп населения, вооруженных одинаково хорошо, на одной территории. При этом очевиден более привилегированный статус носителей аборигенной традиции каменных гробниц. Она не только имеет большее число приверженцев, но и совершенно очевидно имела психологические преимущества: к ее стандартам в оформлении приближались кремации (насыпи, обложенные плитами).

Каменные гробницы предшествуют кремациям, сосуществуют с ними и поглощают

эту привнесенную (этническим коллективом или культурным веянием какой-то определенной эпохи или религиозного центра – например, Ирана) традицию полностью и после этого поглощения еще, по меньшей мере, 2 столетия – XIV-XV вв. – являются абсолютно доминирующей формой погребального обряда.

Инвентарь борисовских кремаций, по точному наблюдению Саханева, относится к более поздней эпохе и имеет близкие аналогии в Верхне-Салтовском могильнике (представление о салтово-маяцкой культуре в российской археологии начало складываться с 1900 г., когда были исследованы первые катакомбы Салтовского могильника). В ряду этих совпадений отмечены: сабли, удила, стремени, бляхи от конского убора, конское оголовье для султана, рубчатые серебряные и медные бубенчики, бусы из яшмовидного кварца и топорик, аналогичный борисовскому экземпляру из погр. N 99 (масовая кремация). Но основной исследования П. С. Уваровой катакомбного могильника в Балте (Осетия), Саханев указывает на сходство стремени и блях конской упряжи. В венгерских древностях также прослеживаются заметные аналогии Борису. Датируются кремации Борисова по монетам из Балты – аббасидским дирхемам 175 г. х., т.е. 791 / 792 гг. Таким образом, кремационная часть Борисова относится к VIII – IX вв. (Там же. С. 165).

Саханев не придает, тем не менее, преувеличенного значения указанной культурной близости с кочевническими древностями Юга России. Его логика в этом вопросе состоит в том, что: 1) в Борисове прослеживается целая группа погребений промежуточного, связующего характера (с. 140 – 141); 2) вряд ли новая народность, поселившаяся на месте жительства другой, выбрала бы для погребения своих покойников старый некрополь; 3) сам факт преемственности культуры в рамках одного могильника свидетельствует о смене погребальной обрядности при преемственности населения.

В наши дни, когда история изучения салтово-маяцкой культуры насчитывает массу исследований на протяжении столетия, мы можем только поддержать логику Саханева. Главное отличие между кремациями Борисова и салтово-маяцкой культурой заключается в самом обряде погребения.

На огромной территории салтово-маяцкой культуры при столь же огромном числе исследованных памятников не обнаружено ни одной кремации в каменной гробнице. Точно также не обнаружено ни одного примера семейных склепов, что весьма характерно для Зихии. Кроме того, в Зихии кремации в урне накрывались курганом, тогда как

салтовские урновые кремации исключительно бескурганые.

Очень важное отличие состоит в том, что на территории салтово-маяцкой культуры «никаких следов доспехов, кроме остатков кольчужных поясов (т.е. наборных поясов – Прим. С. Х.) в погребениях и в поселениях обнаружено не было». (Там же. С. 74). Тогда, как находки доспехов – кольчуг, шлемов, наручей, поножей и др. элементов защитного вооружения – для современных салтово-маяцкой культуры могильников Зихии VIII – X вв. являются достаточно обыденным фактом.

«Трупосожжения несомненно нехарактерны для народов, создавших салтово-маяцкую культуру. – Читаем в обобщающем очерке этой культуры, написанном С. А. Плетневой, на протяжении нескольких десятилетий специализировавшейся на данной теме. – Попадают они редко и, как правило, на периферийных землях этой культуры или вообще за ее пределами (в Приднепровье, Поволжье и т.п.)». (Плетнева С. А. Салтово-маяцкая культура // Степи Евразии в эпоху средневековья. С. 72). Два доминирующих обряда – катакомбный и ямный – легко связываются с двумя основными этническими группами этой культуры – аланами и булгарами соответственно. 3-й вид – подкурганые захоронения в подбоях – также вполне очевидно атрибутируется как хазарский. Принадлежность салтовских трупосожжений остается неясной. Плетнева подчеркивает возможность того, что носители обряда могли происходить из западной части Предкавказья, но не развивают это наблюдение.

Общее количество кремационных погребений в салтовском ареале не превышает 600, из которых больше половины зафиксированы на одном могильнике Сухая Гомольша (укр. Гомільша, городище и соотносимый с ним кремационный могильник на Северском Донце, примерно в 40 км к югу от Харькова). Остальные кремационные погребения распределены небольшими группами и единично без всякой прослеживаемой связи по обширной «салтовской» территории.

Как знать, быть может, в этом городище находился хазарский гарнизон, на вербованный из зихов (касогов)? А, если так, то не здесь ли надо локализовать летописных касогов, которых на обратном пути из Итиля покорил Святослав?

Известно, что Святослав на обратном пути из Итиля одолел еще ясов и касогов. В литературе уже не раз высказывалась догадка, что речь идет о донских (северско-донских) жителях, подданных Хазарии. Учитывая военную-стратегическую важность линии хазарских крепостей на Северском Донце, которые и были сожжены в свое время с це-

лью воспрепятствовать славянской экспансии, стремление Святослава разгромить этот мощный форпост хазарского государства вполне закономерно. Тогда как поход вдоль северокавказских предгорий, на обратном пути из Нижнего Поволжья, хотя и вероятен, но плохо объясним. Это достаточно бесцельная демонстрация военной мощи перед теми, кто и так был рад разгрому хазарского домена в Итиле.

Исследователи салтово-маяцкой культуры неоднократно высказывали предположение о том, что касоги, наряду с ясами (аланами) и булгарами, были одним из племен этого региона, которое было поселено здесь в качестве военных колонистов на службе у хазарского правительства. Как раз кремационные погребения Сухой Гомольши, ниже по течению от Верхнего Салтова, могут быть связаны с касожским гарнизоном. По-украински река Гомольша звучит как Гомільша. Основа – гоміль – хорошо корреспондируется с адыгской лексемой гьомыл «пища», «продовольствие», «дорожная пища, отличающаяся большой калорийностью». (Толковый словарь адыгейского языка. Майкоп, 2006. С. 63). Гьомыладж – «без пищи, лишенный пищи». Более обстоятельный словарь кабардино-черкесского языка поясняет гьэмыладжэ как «находящийся вне дома и не имеющий съестных припасов». (Словарь кабардино-черкесского языка. М.: «Дигора», 1999. С. 103). В кабардино-черкесском словаре содержится форма, которая морфологически еще более близка к украинскому гомільша – гьэмылашэ «человек, доставляющий продукты питания работающим вне дома».

Не является ли этот топоним отражением мнения касогов о не совсем комфортной жизни вдали от своей родины? Мы понимаем, что это слишком смелое предположение, основанное на нескольких допущениях, но, вместе с тем, предположения питают мысль историка.

Летопись сообщает нам о том, что Святослав покорил одновременно и ясов, то есть алан, которые, вполне вероятно, составляли основное население городища Верхний Салтов. Соответственно им же принадлежит огромный катакомбный могильник этого городища. Таким образом, на роль летописной Тмуторокани может претендовать Салтовское городище – самое крупное из хазарских городищ Северского Донца.

В таком случае, отсюда Мстислав в 1022 г. совершил ближний поход (не более 80 км) на касогов Редеди и занял городище с касожским населением в Сухой Гомольше. Детально эта версия будет изложена в одном из ближайших выпусков «Ликов...».

Реликты в адыгском языке

В адыгском языке есть такие выражения: уяне огылыгы «твою мать ты (чтобы) обсмолил/опалил», уяне огылыцэжь «твою мать (чтобы) ты поджарил».

Являются ли эти устойчивые обороты речи реликтами той эпохи, когда адыги кремировали своих усопших?

М. В. Добровольская, специалист в области исследования кремированных костных останков, отмечает, что обряд кремации мог осуществляться «при низкой температуре (обугливание), что возможно при помещении объекта на горящие угли или на краю костра». (Добровольская М. В. К методике изучения материалов кремации // КСИА. Вып. 224. С. 92).

Нельзя не обратить внимание на следующее сходство. Общим наименованием зороастрийских священнослужителей, выделявшихся в отдельное сословие, является авест. aθavan- (пехл. asron) – «хранитель огня». В адыгском эпосе известен свой Прометей – Нэсран-жаче (Нэсран-жаклэ, «Нэсран Борода»), принесший нартам огонь и прикованный за это к скале. Интересно, что в ряде тестов Нэсран упоминается как Асран-жаче (Асран-жаклэ, Асран-Борода, см.: Кумахов М. А., Кумахова З. Ю. Язык адыгского фольклора. Нарский эпос. М.: «Наука», 1985. С. 135).

Понятие греха в адыгском выражено словом гонахъ (в кабардинском гуэныхъ), точно соответствует персидскому dopah «грех», которое, если не появилось в рамках зороастрийской доктрины, то уже использовалось в соответствующих трактатах. Хотя, вполне вероятно, что это слово попало в адыгский через посредство арабского.

Главные выводы

1. Кремационный обряд погребения в регионе исторической Черкесии не является маркером этнического происхождения, но должен быть признан проявлением эволюции религиозных представлений автохтонного адыгского этноса.

2. Кремация – второй по частоте использования адыгским населением погребальный обряд, который практиковался на протяжении порядка 600 лет.

3. Бесспорна взаимосвязь кремации с «воздушным погребением», также тысячелетним обрядом, присущим адыгам, а также абхазам. В таком случае, кремация представляет собой кардинальный способ уничтожения плоти.

(Продолжение в следующем выпуске).

Самир ХОТКО.